

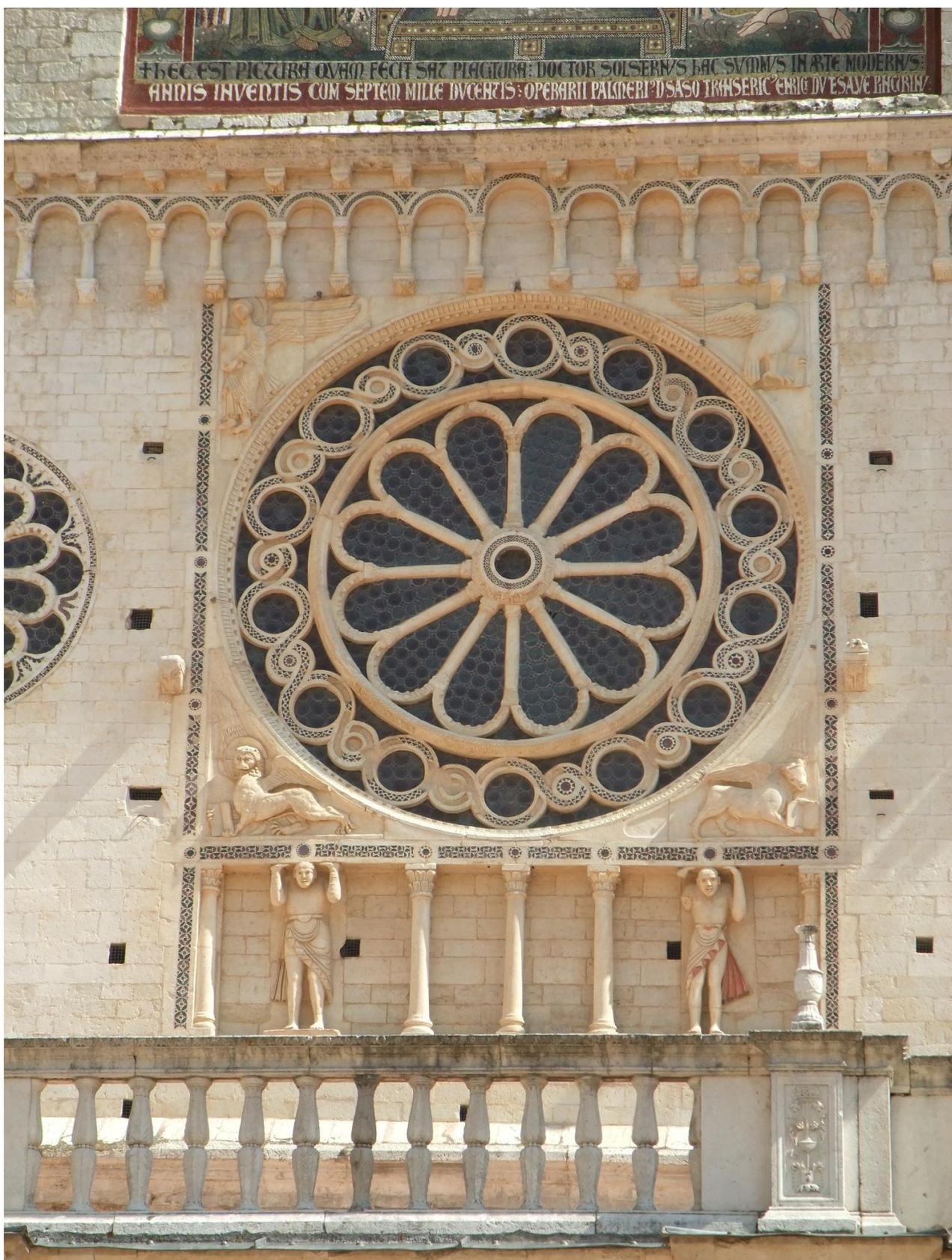
Главное блюдо мы увидели за углом Епископского дворца. Оттуда широкая лестница вела к Дуомо, но не вверх, как обычно бывает, а вниз. Отсюда открывается великолепный перспективный вид на Собор с колокольней, который стоит на обширной площади у ее подножия:

Собор 12 в. (освящен в 1198 г.) – Санта-Мария-Ассунта (Успенский, по-нашему) - напоминает Сан-Руфино в Ассизи, но еще более наряден: его фасад украшен 8 узорными окнами-розетками и мозаикой того же 12 или 13 в. в византийском духе. Средний ярус выделен сверху мелкими арочками и головами животных вверху и внизу фланкирующих фасад пилястров, центральная розетка украшена изумительно тонкой инкрустацией, ее консоль поддерживают, как и в Ассизи, наряду с колонками смешные атланты, а по углам расположились мифологические животные – символы евангелистов. Не знаю, зачем готические скрабы понатыканы по коньку кровли над характерными романскими лизенами, но они почти не заметны и не портят общего впечатления. Его не портит даже пристроенный, вероятно, в 17 в. ренессансный арочный нартекс с балконом-террасой. С моей точки зрения, этот собор не уступает великим романским соборам Пьяченцы, Пармы

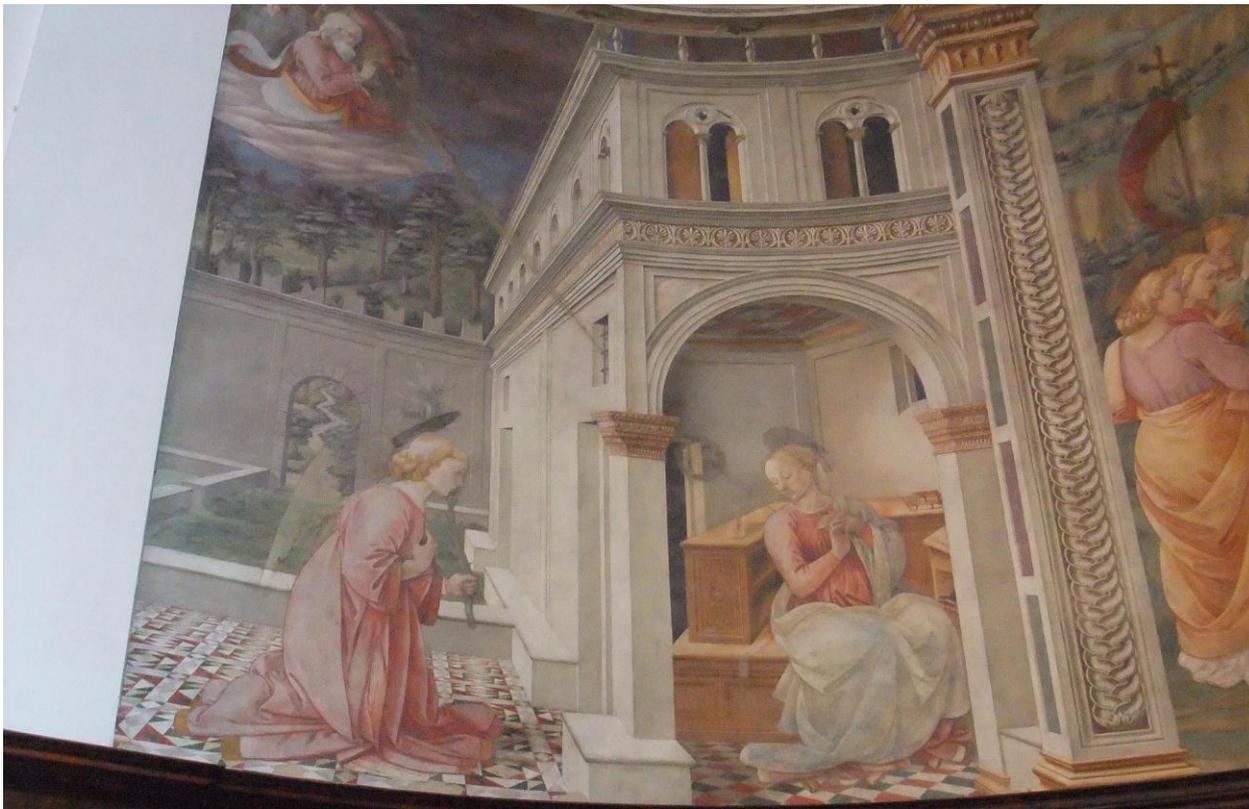
и Модены, так что зря я внесла его ранее в разряд заурядных (отсюда вывод: не увидевши, не суди).

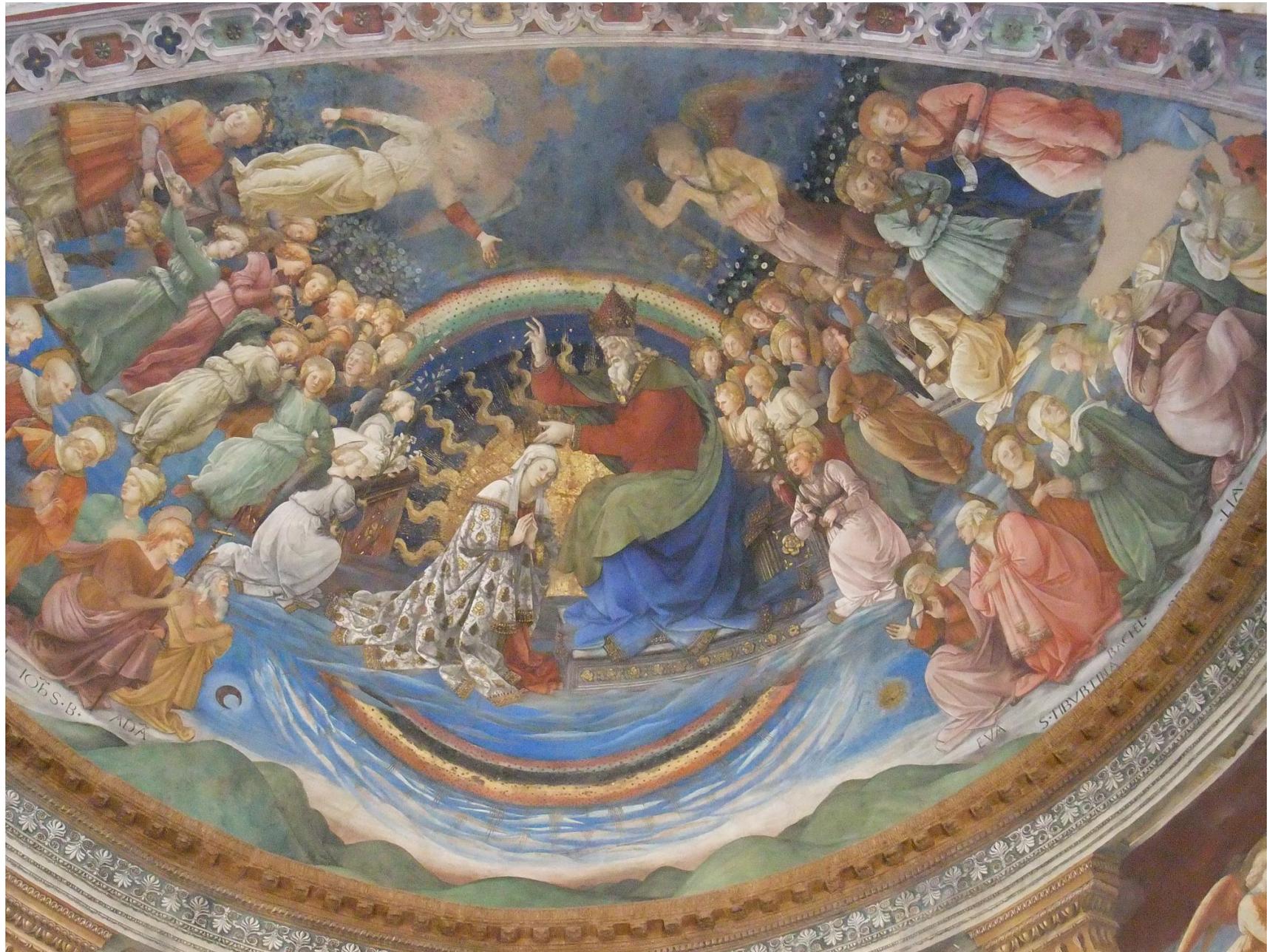

А внутри собор безнадежно изуродован в результате перестройки в 17 в. – ничего древне-романского не сохранилось, кроме обычной трехнефной структуры и красивых мозаичных полов. Но не в этом суть. А в том, что хор церкви (алтарная часть) содержит цикл фресок Филиппо Липпи (1406 – 1469), посвященных Богородице – Благовещение,

Поклонение младенцу (на боковых стенах), Успение (в центре апсиды) и Коронавание Марии (в конхе). И это действительно прекрасная живопись, ради которой стоит проделать путь до Сполето.

Что-то мне это Палех напоминает... Это последняя работа художника, начатая в 1466 г. и законченная после его смерти его помощником фра Диаманте. На пути от детской неумелости через византийский символизм (удобно сравнивать его фрески с мозаикой на фасаде) к реализму эпохи Ренессанс мастер стоит где-то вблизи вершины: он вполне владеет техникой, чтобы его фигуры, пейзажные и архитектурные компоненты

выглядели живо и естественно. Однако его картины лишены прямолинейного натурализма, свойственного следующему веку. Художник ставит задачу показать не анатомические характеристики, а внутреннее содержанием героев. Не скажешь даже, что его персонажи очень красивы, скорее это люди с обычными простонародными лицами. Но показаны они так лирично, с такой нежностью и теплотой, которая заставляет зрителя любоваться ими вместе с автором. И заодно – всеми деталями обыденной жизни – складками одежды, травой, деревьями, животными... даже плетень выписан выпукло и осязаемо. Главное средство, обеспечивающее такой эффект, разумеется, колористика: земные сцены написаны нежными, как будто слегка приглушенными прозрачными красками, а сцена Венчания, происходящего на Небесах, изображена резкими, даже ядовитыми тонами, подчеркивающими ее нереальность. (Кстати, у художника есть другой вариант той же сцены, написанный для капеллы каноника Мариньи во флорентийской церкви Сан Амброджо, находящийся сейчас в Уффици. Там действие происходит на земле, в храме, и похоже на обычный праздничный обряд с толпой приглашенных. Там краски – вполне «земные»).

Таковы мои впечатления. А вот что пишет о художнике уважаемый К. Верман: «...склонный к мирским радостям монах-кармелит, предпочитающий те же сюжеты, что и Анджелико, но не поднимающийся к небу, как тот, чтобы писать виденное там, а спускает небо на землю, чтобы сделать его человеческим. Он **впервые** (выделено мной – Т.) придает самым священным образам вполне земные, реалистически-человеческие черты... принадлежит к модернистам своего времени; ясный колорит, который он придает своим картинам, сообщает им светлый, праздничный вид».

Итак, «склонный к мирским радостям монах-кармелит». Интересно, какие мирские радости имеются в виду? Вкусно поесть и выпить? Лирический характер живописи наводит на мысль о характере мягком, созерцательном, боголюбивом. Что-то вроде фра Анджелико, который, безусловно, оказал влияние на его творчество. Именно такая судьба, казалось бы, была уготована Филиппо Липпи: он, сын бедного мясника, рано осиротел и воспитывался в монастыре дель Кармине во Флоренции, где в 15 лет принял монашеский обет. В этот период капеллу Бранкаччи этого монастыря расписывал знаменитый Мазолино с учеником – будущим гениальным Мазаччо. Их работа заворожила Филиппо, он стал помогать и учиться, обнаружил блестящие способности, и это определило его призвание и род деятельности. Но не судьбу. Сейчас! Как же! В общем, это не тот случай.

После 10 лет монашеской жизни (не считая детства, когда он был послушником), т.е. в 25 лет он, не снимая обета, из монастыря ушел, чтобы познать жизнь и не пропустить ни одной юбки. Много работает на заказ и тут же спускает заработанное –

амурные приключения требуют средств. Байки Вазари про посещение Неаполя, Анконы, пленение маврами-пиратами, рабство и освобождение хозяином, плененным его талантом, - все это ничем не подтверждается, то ли было, то ли нет. Несомненно, однако, и зафиксировано документально, что ему покровительствовал Козимо Медичи Старший. По-видимому, они были друзьями, т.к. их отношения не ограничивались получением-выполнением заказов на росписи. Как вы помните, такая дружба была вполне в духе времени. Козимо обеспечивал художника обширными выгодными заказами (например, на росписи Сан-Лоренцо во Флоренции, находящейся под патронажем семейства Медичи), постоянно выручал из разных передрыг, в которые тот попадал, преследуемый кредиторами по причине вечного отсутствия денег, и устраивал его «на работу». В частности, добился для него, несмотря на своеобразный образ жизни, сана священника и назначение капелланом монастыря Сан Джованни во Флоренции, затем – в приходскую церковь Сан-Килико вблизи нее. Ничего не помогало – Филиппо нигде долго не удерживался, а деньги проматывал и снова жестоко нуждался. Наконец он получил крупный заказ на росписи Собора в Прато – это самая масштабная и зрелая работа художника, вершина его творческого пути. Она заняла несколько лет, и Филиппо поселился в этом городе, а по окончании работы устроился там же капелланом в женский монастырь Санта-Маргерита. Представляете? Пустили козла в огород. Чем он не преминул воспользоваться: соблазнил и выкрал из монастыря молодую монахиню Лукрецию Бути. Только в этот раз он, по-видимому, по-настоящему влюбился. И стал жить с ней семейной жизнью. А ведь ему было уже 52 (!) года. И он был далеко не красавец, судя по автопортрету, вмонтированному позже в сцену Успения богородицы в сполетском Соборе:

Как видите, он, как и Перуджино, себе не льстил, изобразив, мягко говоря, малоприятного типа. Даже десятью годами ранее встречи с Лукрецией он тоже не блистал красотой, судя по фрагменту Коронования Мариньи:

И надежной опорой семьи тоже не стал – по-прежнему все проматывал и держал семью в нужде. Так что Лукрецию тоже можно называть незаурядной женщиной, если она согласилась на связь с таким человеком, вопреки чувству греховности (она ведь приняла постриг, и жили они по церковным представлениям «во грехе») и невзирая на жуткий общественный скандал. Видимо, сумела оценить масштаб личности, несмотря на внешние признаки и обстоятельства. Ведь если бы не талант, его легкомыслие и безответственность не вызывали бы у нас ни уважения, ни симпатии. А он при всех своих малоприятных качествах не дал ему заглухнуть, много работал, совершенствовался (хотя и не изменял собственному стилю) и оставил кучу трогательных, ясных и нежных картин. И одного ученика – Сандро Боттичелли.

Благодаря опять же ходатайству Козимо, его семейная ситуация разрешилась благополучно: Папа освободил обоих от обета монашества, после чего они благополучно обвенчались и прожили вместе до его смерти 11 лет, родив сына, ставшего художником Филиппино Липпи, и дочь. *Один только такой ученик, как Боттичелли, вполне оправдывает существование на этом свете. А монашку увести, да еще и Папу уломать посмотреть на все это сквозь пальцы – это, вообще, высший пилотаж!*

Казалось бы, на этом рассказ о Филиппо Липпи можно закончить. Но дальше следуют события, показавшиеся мне весьма характерными.

Флоренция потребовала тело Липпи для захоронения на родине, на что сполетский епископ не согласился: у вас-де, много знаменитых покойников, оставьте нам хоть этого, и захоронил его в самом соборе. А ведь предмет спора не был святым – ни формально, ни, тем более, фактически, учитывая все обстоятельства. Т.е. даже для Церкви, не говоря уже о светской власти, считалась почетной связь с судьбой Художника, несмотря на его греховный образ жизни. Тогда Медичи (сам Козимо I к тому времени умер, это были его наследники), зная, видимо, прижимистость епископа, выделили громадную сумму на пристойное надгробие любимому другу, поручив его проект сыну

художника. Правда, неизвестно, все ли они пошли по назначению, т.к. надгробие получилось весьма скромным. Но эпитафия, написанная Полицино, содержит такие слова: «сама природа удивлялась образам, которые я с нее рисовал, и признавала, что я равен ей в творчестве" – таково было мнение современников.

Вот теперь все. Однако в Соборе есть еще капелла с фресками Пинтуриккио (1454 – 1513) – справа от входа. В алтарной части мадонна с младенцем на фоне красивого пейзажа.

Сцена также дышит лиризмом и покоем. Но уж как-то все слишком красиво, а у мадонны не просто красивое, а какое-то кукольное личико, каких не найдешь ни в жизни, ни у Липпи. И уж совсем неуместным мне показались натуралистически выписанные, несмотря на покрывающую их драпировку, ноги и торс Иона Крестителя, тогда как фигуры других персонажей скрыты одеждой. Но Пинтуриккио (уроженец Перуджи, кстати) принадлежит к следующему поколению по сравнению с Липпи, он – старший современник Рафаэля, вместе с которым учился у Перуджино. Разумеется, он более близок к мастерам Высокого Ренессанса, отсюда и желание показать – вот что я умею, независимо от смысловой нагрузки. *Это ты придираешься! Ну, подумаешь – ноги у Иоанна ее шокируют! А у крестимого Христа в Равенне анатомические подробности – это ничего? /Это ничего, потому что – правда жизни. А тут-то зачем? Или уж тогда не писал бы драпировку.../ По-моему, эти ноги Крестительевы – вообще, технический рисунок, прорись, который Пинтуриккио то ли забыл, то ли не успел замазать... /Согласна, возможно и так/. Не говоря уже о том, что Иоанн всего на 3 года старше Христа. Интересно, что означает жест Бога-отца, глядящего на свое произведение из конхи капеллы? Он не очень похож на обычное благословение:*

Больше всего жест и выражение лица Вседержителя похожи на «как же вы меня все достали!»

Почитав Википедию, я поняла, что не ошиблась в оценках – не одна я упрекаю мастера в легковесности и преобладании формы над содержанием. А в то же время – как прекрасен его всем известный портрет мальчика из Дрезденской галереи! Вот как все непросто...

Еще одна ценность собора – собственноручное письмо св. Франциска, который именно здесь, в Сполето, что-то такое увидел (во сне), что заставило его вернуться в Ассизи и совершить крутой жизненный поворот. *Жрать на ночь надо меньше жирного и не напиваться до изумления, вот и не будет всякая чертовщина сниться! Птицам он, видите ли, проповедовал – очень полезно, надо было еще гадюк охватить своей воспитательной и культурно-массовой работой...*

Вот такой он, Собор Санта-Мария Ассунта в Сполето.